

А.Г.Гольцов

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЗАПАДА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЛИДЕР, ГЕГЕМОН ИЛИ ИМПЕРИЯ?

Ключевые слова: геополитическая роль, лидерство, гегемония, неоимперия, трансрегиональная гегемония, имперское управление

Современный мировой порядок был сформирован Западом во главе с США в постбиполярный период. Кроме ведущих западных держав, на геополитическую ситуацию в мире влияют также другие мощные акторы, стремящиеся к расширению своего влияния. Стабильности сложившегося мирового порядка угрожает в первую очередь прогрессирующее развитие международного терроризма. В этих условиях важнейшая геополитическая функция могущественных акторов, действующих на международной арене, должна заключаться в защите безопасности (и не только своей). Способен ли Запад взять на себя эту функцию? Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего необходимо понять, какую геополитическую роль играет он в современном мире.

* * *

По мнению известного российского исследователя геополитики Вадима Цымбурского, ключевое значение в геополитологии имеет «базисный уровень геополитической имажинации — построения картины мира из географических образов, проникнутых отношениями кооперации, противоборства и гегемонии-подчинения»¹. Более того, некоторые полагают, что геополитику в принципе можно трактовать как «моделирование географических образов»². Помимо создания определенного геополитического образа, способного быть воспринятым в максимальном числе стран, образное моделирование в международных исследованиях предполагает выявление геополитических ролей тех или иных акторов. Особого внимания заслуживает ролевое моделирование таких сверхкрупных и неоднозначных объектов, как неоимперии.

На наш взгляд, геополитическая роль актора есть набор политических функций, выполняемых им в пределах того или иного географического пространства. Геополитическая роль может осуществляться на разных уровнях политической организации. Легитимным ее носителем выступает государство, геостратегию которого разрабатывают формальные «центры принятия решений» (ЦПР). Можно сказать, что в геостратегию вписывается определенная геополитическая роль государства — с возможными вариациями для разных стран и регионов.

¹ Цымбурский
1999: 21.

² Замятин 2006:
341.

В соответствии с ролью формулируются конкретные геополитические сценарии (в которые, конечно, могут вноситься коррективы). Качество исполнения актором заявленной роли может варьировать: он может отвечать этой роли, а может — и нет. С течением времени геополитическая роль может измениться, однако для поддержания авторитета в собственном социуме и престижа на международной арене акторы обычно стремятся, чтобы их роль выглядела (хотя бы внешне) максимально позитивной и вызвала уважение. К числу наиболее известных геополитических ролей относятся *лидер, гегемон и империя*.

Согласно распространенному определению, «лидерство представляет собой процесс, посредством которого человек влияет на группу лиц для достижения общей цели»³. Сущность лидерства в международных отношениях до сих пор вызывает дискуссии. По мнению некоторых исследователей, «лидерство требует добровольного делегирования лидеру полномочий по путеводительству в мировой политике. Страны вручают свою судьбу в его руки, следуют за ним, выражая согласие с провозглашаемыми целями и задачами, а также методами их осуществления, помогают ему»⁴. С их точки зрения, на лидерство может претендовать лишь тот актер, который обладает значительным потенциалом, пользуется авторитетом и в своих действиях опирается на «мягкую силу». Естественно, что проводимая таким лидером политика должна соответствовать нормам международного права.

³ Northouse 2016: 6.

⁴ Шаклеина 2015: 10.

Однако в реальных международных отношениях лидерство далеко не всегда столь идилично. Оно вполне может быть и недемократичным (даже авторитарным), когда могущественный актер, опираясь на свой авторитет и потенциал, навязывает прочим свои ценности, нормы и правила. В связи с этим можно согласиться с аргументами Джона Айкенберри, который полагает, что «лидерство — это использование силы» и означает способность одного актора прямо или опосредованно формировать интересы и влиять на действия другого⁵.

⁵ Ikenberry 1996: 388.

Гегемония в межгосударственных отношениях имеет давнюю историю (вспомним, к примеру, царства-гегемоны («ба») в древнем Китае или Афинский морской союз). Традиционно гегемон обладал превосходящей мощью, что позволяло ему доминировать над более слабыми актерами. При этом гегемония могущественного актора нередко благоприятствовала мирному и во многом самостоятельному развитию зависимых от него стран, от которых, помимо лояльности, требовалось лишь в оговоренных случаях принимать участие в проектах гегемона, в частности в военных походах. В историческом прошлом гегемония выступала одним из способов обеспечить стабильность на международной арене. Вместе с тем институт гегемонии так никогда и не достиг совершенства, а гегемонистская стабильность всегда была относительной и носила временный характер.

В современных условиях гегемония трактуется как ситуация, при которой «одно государство достаточно могущественно, чтобы поддерживать основные правила регулирования межгосударственных

- ⁶ Keohane, Nye 1989: 44. отношений, и готово к этому»⁶. При этом «гегемония чаще всего является принудительной и основывается на использовании силы»⁷. Власть гегемона может проявляться в политическом диктате, экономическом доминировании, насаждении в зависимых странах своих политических и культурных ценностей и т.п. Гораздо предпочтительнее так называемая «открытая гегемония», которая «более... приемлема для подчиненных государств, поскольку власть гегемона сдерживается правилами и институтами»⁸. В идеале может быть достигнуто определенное равновесие между ответственностью гегемона и согласием прочих акторов на его политическое верховенство, что будет способствовать стабилизации международной системы в целом.
- «Принудительная» гегемония в международных отношениях вызывает заслуженную критику. Напротив, «открытая» и «либеральная» гегемония способна (во всяком случае, теоретически) предоставить слабым акторам гарантии безопасности и довольно часто приносит им экономические выгоды. Вполне приемлемой на региональном и даже мировом уровне считается «совместная» гегемония как «мягкое правление на основе соглашений о сотрудничестве в рамках долгосрочной стратегии»⁹. Современная гегемония в принципе может «опираться на тонкий баланс между принуждением и консенсусом и сочетать прямую и косвенную власть гегемонистского государства с некоей степенью уважения интересов слабых государств»¹⁰. Особенно привлекательной выглядит «консенсусная» гегемония, основанная на «влиянии посредством распространения идей», когда «региональная держава ведет систему государств в заданном направлении ради достижения общей цели»¹¹. Однако реальная попытка осуществления такой гегемонии в Латинской Америке (под эгидой Бразилии) принесла очень скромные плоды. В начале 2000-х годов весьма перспективной казалась тенденция к становлению институциональной гегемонии, базирующейся на самоорганизации путем международного сотрудничества¹².
- Содержание гегемонистской и лидерской (в широком смысле) ролей пересекается. Так, гегемония может пониматься как разновидность лидерства, допускающая принуждение и использование жестких методов по отношению к членам группы. Гегемония может также трактоваться как системное лидерство, при котором преобладающая группа выражает общие интересы участников системы¹³. И хотя концепция гегемонистского лидерства в международных отношениях сегодня не пользуется популярностью, в реальной внешней политике она оказывается вполне жизнеспособной, оправдывая экспансионизм государств-лидеров¹⁴.
- При анализе международных отношений довольно сложно провести грань между мягкой гегемонией и жестким лидерством. Как представляется, критерием для различения гегемонии и лидерства должно служить использование силовых средств, типичное именно для гегемонии. В понятии «мировое лидерство» (как и «мировая гегемония») находят отражение не более чем притязания самых могущественных акторов.

⁶ Keohane, Nye 1989: 44.

⁷ Lake 1993: 469.

⁸ Ikenberry 2001: 197.

⁹ Pedersen 2002: 683.

¹⁰ Hurrell 2004: xxix.

¹¹ Burges 2008: 73.

¹² Темников 2003: 89.

¹³ Arrighi, Silver 1999: 26.

¹⁴ Wiener 1995: 233.

В действительности же лидерство (и гегемония) обычно ограничивается пределами макро-, мезо- или субрегионов. На региональном уровне претензии какого-либо из акторов на лидерство (а тем паче на гегемонию) часто встречают сопротивление со стороны конкурентов. Сфера влияния могущественного лидера (гегемона) может распространяться на отдельных акторов и их группы из разных (даже отдаленных) регионов мира. В таком случае он выступает в качестве трансрегионального лидера (гегемона).

Дискуссионным остается соотношение между гегемонией и империей. Их можно сравнивать как геополитические системы. А как систему властвования гегемонию корректнее сопоставлять с имперской политикой как совокупностью механизмов доминирования центра над перифериями. На наш взгляд, гегемония и имперская власть (*imperium*) различаются прежде всего тем, что первая не предусматривает систематического силового принуждения по отношению к зависимым странам (периферии), которое как раз характерно для второй. Имперские политики прошлого во взаимодействии с внешними акторами могли выступать в качестве лидеров, но все-таки гораздо чаще стремились установить над ними свою гегемонию (в том или ином виде). А собственно имперские отношения представляли собой непосредственное господство центра над его перифериями.

В современном мире ни одно из государств прямо не артикулирует свои имперские амбиции. Более того, понятие империи, как правило, вызывает негативные ассоциации. Поскольку лицемерие традиционно выступает атрибутом внешней политики, ведущие державы обычно отрицают наличие у них имперских планов и маскируют соответствующую геополитику.

Согласно неоимперской концепции, современные (нео-) империи отличаются от классических в первую очередь своим неформальным характером. Неформальные империи трактуются как «структуры транснациональной политической власти, которые сочетают эгалитарный принцип юридического суверенитета с иерархическим принципом фактического контроля»¹⁵. Таким образом, неоимперия — это транснациональная полития, в которой центр осуществляет преимущественно неформальный контроль над другими акторами, обеспечивая определенный международный порядок. В геополитической структуре неоимперии, кроме главного центра, могут быть представлены региональные субцентры и обязательно присутствуют периферийные акторы, формально обладающие статусом равноправных партнеров. Неоимперия строится на определенном идейном фундаменте и предполагает внутренние взаимодействия в политической, военной, экономической, культурной и прочих сферах. Важной особенностью неоимперии является значительная роль негосударственных транснациональных акторов, сети которых пронизывают ее пространство и распространяются за его пределы. В связи с неформальностью неоимперии возможны динамичные изменения ее геополитической структуры.

¹⁵ *Wendt, Friedheim*
1995: 695.

Полагаем, что неоимперия совмещает в себе ряд существенных черт лидерства, гегемонии и империи. Неоимперский центр выступает лидером для разнородных акторов, входящих в состав неоимперской политики. Его гегемония внутри неоимперии реализуется неформально, скрытно и преимущественно мягкими методами. В тех редких случаях, когда он прибегает к жесткому принуждению, подобные действия обычно оправдываются угрозами (подлинными или мнимыми) безопасности или жизненным интересам. В структуре неоимперии могут присутствовать небольшие территории (или даже страны), находящиеся под прямым управлением центра. В экстремальных ситуациях, когда возникает непосредственная угроза для неоимперии в целом или для отдельных ее составляющих, допускается даже применение военной силы и установление непосредственного политического контроля над теми или иными пространственными объектами. Для успешного осуществления своей власти центр неоимперии формирует институты международного сотрудничества в различных областях (разумеется, со своей скрытой гегемонией). Иначе говоря, внутри неоимперии центр может одновременно выполнять лидерскую, гегемонистскую и традиционно имперскую роли.

При взаимодействии с другими центрами и мощными акторами неоимперский центр заинтересован в утверждении наиболее благоприятного для него мирового порядка. Заключаются дву- и многосторонние соглашения, образуются коалиции, более или менее устойчивые союзы. В принципе центр неоимперии предпочитает исполнять — разумеется, с пользой для себя — роль лидера (например, в международных организациях), заботится о своем престиже, выступает арбитром в межгосударственных спорах т.п. В отношениях с полноценными союзниками он стремится к лидерству, основанному на добровольном признании с их стороны. Сотрудничество развивается в целом как равноправное, и имеющие место попытки оказать неформальное влияние тщательно маскируются. Но когда речь идет о более слабых союзниках (фактически сателлитах), он уже навязывает свои правила игры, *de facto* устанавливая скрытую гегемонию. Взаимоотношения между центром и странами-сателлитами описывает геополитическая модель «патрон — клиенты» (при том что формально все акторы равноправны).

По отношению к государствам-конкурентам или маломощным странам-«нарушителям» неоимперский центр считает допустимым применение «жесткой силы», например дипломатического давления или экономических санкций. Поводом для обращения к таким мерам может быть невыполнение провинившейся страной международных обязательств, несоблюдение ею прав человека и т.п. Однако подлинной причиной их использования часто бывают неугодные центру действия данной страны или экономические интересы неоимперских акторов. Под предлогом защиты собственной безопасности или прав человека центр способен даже нарушить суверенитет слабой страны, оккупировать ее и произвести смену режима. Для этого ему крайне важна

поддержка или хотя бы нейтралитет со стороны других мировых центров и могущественных акторов. То есть неоимперия играет геополитическую роль сразу на нескольких площадках, и содержание этой роли на каждой из них обладает выраженной спецификой.

* * *

В случае идейного родства социумов и элит ряда могущественных центров, близости их ценностей и интересов, развитости и устойчивости взаимосвязей возникает потребность в объединении соответствующих неоимперских систем для создания наиболее выгодного для них международного порядка. Такое неформальное объединение неоимперских систем можно квалифицировать как макроимперию. Полагаем, что уже фактически сложилась Западная макроимперия, которую и обозначают сегодня термином «Запад». Главное, что объединяет Запад, — это общий цивилизационный фундамент. Общность идеологических, духовных, моральных и культурных ценностей западных стран создает условия для развития и углубления взаимосвязей на всех уровнях — от межгосударственного до бытового. Западное общество базируется на либеральной демократии «открытого доступа», верховенстве закона, приоритете прав и свобод человека, рыночной экономике и т.п. Вполне обоснованным представляется мнение, согласно которому Запад фактически превратился в «международную идеократическую систему», где господствует идеология «демократизма»¹⁶. Именно Запад продуцирует основную массу международно-правовых норм, и именно ему удалось сформировать многочисленные дееспособные институты международного сотрудничества. Неофициально Западной макроимперией управляют ЦПР, как формальные (государственные), так и неформальные, в том числе транснациональные. В результате их взаимодействий осуществляется власть не только над западным миром, но и (de facto) над большей частью земного шара. Отдельные ЦПР обладают собственными геополитическими (и геоэкономическими) интересами и могут конкурировать в различных сферах и на разных территориях, однако чаще всего им удается достичь компромисса. Существование Западной макроимперии отвечает интересам властных элит, многих экономических субъектов и, что особенно важно, социумов западных стран, стремящихся к миру, безопасности и устойчивому материальному благополучию.

Западная макроимперия отличается довольно сложной геопро странственной структурой. Главным ее центром были и остаются США. Принадлежит к ней, естественно, и Европейский союз, представляющий собой полицентрическое неоимперское образование, ведущими центрами которого выступают Германия и Франция. Весьма влиятельным субцентром Запада является Великобритания. В состав Запада, разумеется, входят Норвегия, Швейцария, Исландия и европейские микросоциумы. По всем параметрам к Западу следует отнести Канаду,

¹⁶ Лукин 2015: 41.

Австралию и Новую Зеландию, несмотря на географическое положение двух последних. Израиль, обладающий уникальным по своим этническим и религиозным характеристикам населением и специфическими геополитическими интересами, тем не менее тоже правомерно считать частью Запада. Между западными государствами могут возникать неантагонистические противоречия и конкуренция, но превалируют отношения сотрудничества.

Западной макроимперии в целом присущ внутренний плюрализм. В идеале ее функционирование должно отвечать интересам всех входящих в нее акторов. В наибольшей степени соответствует ей модель группового лидерства, которая предусматривает достижение консенсуса между акторами, прежде всего в вопросах сохранения мира, обеспечения безопасности, защиты суверенитета и т.п. Правда, здесь возникает проблема расхождения позиций государств Запада, чьи ЦПР нередко конкурируют между собой. Поэтому в реальной политике речь обычно идет о геополитическом компромиссе, то есть основанном на взаимных уступках соглашении по поводу правил и порядка взаимодействия в определенном геопространстве, а также распределения сфер контроля или влияния. Более или менее устойчивые компромиссы вырабатываются при участии неформальных ЦПР. После этого остальные акторы добровольно присоединяются к согласованной позиции (срабатывает «мягкая» гегемония), либо их убеждают это сделать (преимущественно с помощью не «кнута», а «пряника»), а если вдруг на ту или иную страну не действуют и методы убеждения, ее мнение просто игнорируется.

Ведущие государства Запада зачастую представляют защиту собственной безопасности (как от подлинных, так и от мнимых угроз) и обретение экономических благ в качестве своих жизненных интересов. При этом может оказаться, что ареалы жизненных интересов западных держав располагаются в весьма отдаленных от них регионах мира. Защита же безопасности может трактоваться как право на преемственную интервенцию в суверенную страну. Экономические соображения особенно важны для неформальных ЦПР, связанных с мощными транснациональными корпорациями и банками. У каждого из западных государств есть собственные геоэкономические интересы, отражающие потребности не только элиты (и ЦПР), но и социума. Поэтому в подобных вопросах достичь компромисса бывает довольно сложно. Однако в критических ситуациях на первый план выходят общие для всех интересы безопасности и соблюдения норм и принципов геополитического порядка, которые и определяют ролевые функции Запада в целом и отдельных его составляющих. Примером такого развития событий может служить единство Запада в борьбе с международным терроризмом, а также та политика, которую он проводит в отношении России с весны 2014 г., невзирая на ее экономические издержки для ряда западных стран.

Классическая периферия в значительной мере ушла в прошлое вместе с колониальными империями, хотя отдельные западные государства до сих пор владеют небольшими зависимыми странами

и территориями. Современная периферия Запада представлена, например, рядом стран Центральной и Восточной Европы, не так давно вступивших в ЕС и НАТО. В рамках Западной макроимперии функциональные взаимоотношения между центром и периферией носят взаимовыгодный характер.

* * *

В годы холодной войны капиталистический Запад (при гегемонии США) противостоял на мировой арене социалистическому Востоку (где в качестве гегемона выступал СССР). После победы Запада в холодной войне и «Бури в пустыне» США достигли вершины мирового могущества, что способствовало росту популярности имперского дискурса в американской науке и политике. Кстати, именно опыт прежних империй был использован Збигневом Бжезинским для интерпретации роли США и формулирования основных принципов их геостратегии¹⁷. Апологеты американской империи подчеркивали: «Мы предпочитаем доступ и влияние владению. Наша империя неформальна и состоит не из сателлитов или вотчин, а из номинально равных государств»¹⁸. Проведение интервенционистской политики на международной арене отражало неоимперскую роль США в мире. Однако подобного рода «новый империализм» встретил неприятие даже со стороны ряда союзников США по НАТО. Концепты «благожелательной империи» и «империи по приглашению» тоже не нашли поддержки в мире, поэтому американские исследователи, политики и публицисты стали отдавать предпочтение не имперскому, а гегемонистскому дискурсу.

¹⁷ См. Бжезинский 1999: 54.

¹⁸ Bacevich, Mallaby 2002: 50.

Реализация США своей геополитической роли, предусматривающей одностороннюю гегемонию в мире, потребовала громадных затрат при весьма скромной отдаче. Надолго увязнув в Афганистане и Ираке, США и их союзники так и не решили главных задач, связанных с обеспечением мира и безопасности. Крайне дорогостоящий интервенционизм (речь шла не только о финансах, но и человеческих жизнях) вызывал неудовлетворенность и утомление в американском обществе. Еще в 2007 г. (то есть до избрания президентом) Барак Обама сформулировал новое кредо американской внешней политики, предполагавшее упор на осуществление глобального лидерства¹⁹. Пришедшие к власти демократы публично отреклись от имперского и гегемонистского дискурсов, но de facto не отказались от неоимперской геополитики. При том что Америка свернула военные операции в Ираке и Афганистане, она по сей день пытается сохранить свою гегемонию над этими странами. Во времена президентства Обамы США приложили немало усилий для продвижения либеральной демократии в мире, в частности на Арабском Востоке. Результаты оказались более чем сомнительными.

¹⁹ См. Обама 2007.

Главной целью стратегии США провозглашено сохранение устойчивого американского лидерства, которое «представляет собой неотъемлемую составляющую основанного на правилах международного

- ²⁰ *White House 2015.* порядка»²⁰. Американское лидерство по-прежнему зиждется преимущественно на силе. При появлении угроз их «коренным интересам» США готовы на односторонние действия, хотя и отдают предпочтение мобилизации союзников для совместных акций²¹. Постулат «американское лидерство есть глобальная сила добра»²² неоднозначно воспринимается в других странах. Моральное лидерство часто превращается в моральную гегемонию — насаждение собственных норм и ценностей по всему миру.
- На сегодняшний день Америка все еще не имеет себе равных во всех трех видах силы (военной, экономической и «мягкой»)»²³. Причина сохранения США своего первенства в мире кроется прежде всего в их экономической мощи²⁴. Однако мировое лидерство Соединенных Штатов все же ослабевает²⁵, что обусловлено в первую очередь даже не усилением влияния ряда «ревизионистских» государств, особенно Китая, а «внутриамериканскими фискально-финансовыми и политическими факторами»²⁶.
- В ближайшем будущем геополитическая роль США может трансформироваться. По всей видимости, они свернут свои грандиозные планы по «экспорту демократии». Вместе с тем они не откажутся от доминирования в Западном полушарии, будут противодействовать появлению потенциальных гегемонов в Европе, Северо-Восточной Азии и Персидском заливе²⁷ и, возможно, усилят свою военную гегемонию в «Джакотском треугольнике». Иными словами, США сохраняют свои лидерские и гегемонистские амбиции по отношению к наиболее важным для них регионам и странам. Их геостратегия, вероятнее всего, будет исходить преимущественно из прагматических целей защиты американских жизненных интересов. В случае острой необходимости США не остановятся и перед использованием военной силы, привлекая союзников для уменьшения расходов и повышения легитимности своих действий.
- Другой важнейшей составляющей Западной макроимперии является Евросоюз, чьи ценности, нормы и правила оказались весьма привлекательными для населения многих соседних стран. Как отмечает Ян Зелонка, «имперские инструменты ЕС главным образом не военные и политические, а экономические и бюрократические»²⁸. При этом расширение ЕС происходит следующим образом: вначале страны-кандидаты добровольно признают гегемонию ЕС, а затем инкорпорируются в его неоимперские структуры. Необходимо отметить, что «нормативная сила» ЕС играет решающую роль в институциональной трансформации претендующих на вхождение в него стран²⁹. Наднациональную власть в ЕС представляет брюссельская бюрократия, осуществляющая институциональную гегемонию.
- В рамках Евросоюза сложилась неформальная неоимперская иерархия. В качестве его политических и экономических лидеров выступают Франция и Германия. Вместе с другими высокоразвитыми «старыми» членами ЕС они образуют в нем центральную геополитическую и геоэкономическую группировку, de facto контролирующую брюссельскую

бюрократию. На особом положении находится хронический должник — Греция, сопротивляющаяся гегемонии своих кредиторов. Современная внутренняя периферия ЕС представлена рядом «новых» стран-членов, политически и экономически зависимых от центральной группировки и наднациональных институтов. Примечательно, что эти страны охотно признают также лидерство США и их неформальную гегемонию. Для стран-кандидатов режим ассоциации означает, что над ними устанавливается «мягкая» совместная гегемония ЕС.

Наибольшим экономическим весом и политическим влиянием в ЕС обладает Германия. Именно она служит оплотом валютно-финансовой системы ЕС и даже выражает готовность (при условии сотрудничества с партнерами) взять на себя ответственность за европейскую безопасность³⁰. Фактически она способна играть роль лидера в Европе. Германская гегемония, естественно, носит скрытый характер и осуществляется преимущественно экономическими средствами. Германские экономические субъекты имеют развитые сети в странах Центральной Европы. При этом ФРГ стремится реализовать свой лидерский потенциал и за пределами ЕС. Например, она совместно с Францией пытается урегулировать конфликт на востоке Украины (правда, без особого успеха).

На лидерскую роль, и не только в Европе, претендует также Франция, заявляющая, что она способна «взять на себя инициативу... или оказывать доминирующее влияние» в ходе возможных операций НАТО или ЕС³¹. Тандем двух лидеров — Франции и ФРГ — в значительной мере влияет на позиции других членов ЕС и его наднациональных органов. Франция сохранила остатки своих имперских владений, которые сегодня имеют статус заморских департаментов и регионов или заморских сообществ, и по-прежнему выступает в качестве лидера для целого ряда стран Африки, которые были в прошлом ее колониями. Сфера особого влияния Франции — Средиземноморский регион. Свою гегемонию Франция осуществляет преимущественно неформально (посредством «агентов влияния»), но не чурается и жестких методов, о чем свидетельствуют, в частности, ее интервенции в Мали и Центральноафриканскую республику в 2013 г. Для распространения в мире «мягкого влияния» Франция задействует в том числе механизмы политического и культурного сотрудничества в рамках Франкофонии. Культурные центры и институты пропагандируют французскую культуру и язык и во многих других странах мира. Таким образом, будучи одним из лидеров Запада, Франция в каких-то случаях играет роль гегемона и иногда использует технологии имперского управления.

К числу таких лидеров, несомненно, следует отнести и Великобританию. Устойчивые союзнические отношения с США открывают перед ней широкие возможности для военно-политического, экономического и культурного партнерства с ведущей державой мира. Немаловажное значение имеет также сохранение Великобританией зависимых территорий — «осколков» былой империи. Ее влияние обеспечивается также

³⁰ *White Paper 2016.*

³¹ *Livre blanc 2013.*

экономическими сетями и военными базами в стратегически важных регионах. Наряду с США она стремится сохранить за собой лидерские позиции (и гегемонию) в бассейне Персидского залива, доказывая, что ее «глубокие отношения» со здешними странами крайне важны для укрепления региональной стабильности, предотвращения террористических угроз и обеспечения энергетической безопасности³². Соединенное Королевство продолжает довольно эффективно использовать такой инструмент своей «мягкой гегемонии», как Содружество Наций. Другим инструментом ее «мягкой силы» служат сети Британского совета, охватывающие многие страны мира. Состоявшийся в 2016 г. «Brexit», который, очевидно, затянется надолго, знаменует собой смену (переконфигурацию) геополитической дислокации Великобритании в рамках Западной макроимперии.

³² *National Security Strategy 2015.*

* * *

Как справедливо отмечает Святослав Каспэ, «нынешняя империя Запада достигла завершенной универсальности, пронизав своими сетями, охватив инфраструктурой, включив в политические взаимодействия весь обитаемый мир»³³. Важной особенностью геопространственной организации Западной макроимперии является развитость институтов международного сотрудничества. Многочисленные дву- и многосторонние соглашения в различных сферах тесно связывают между собой западные страны. Во всех международных структурах действуют единые нормы и правила, все их участники формально равноправны. При этом, разумеется, ведущие страны осуществляют групповое лидерство (со скрытой гегемонией) в отношении прочих акторов. Наибольшей военной мощью на планете обладает Североатлантический альянс, не только обеспечивающий оборону собственных членов, но выполняющий широкий круг задач за пределами своей юрисдикции. Западные институты наглядно продемонстрировали свою эффективность, поэтому их опыт активно используется в других регионах мира.

³³ *Каспэ 2007: 285.*

Все западные страны принадлежат к «лиге демократий». Другие демократические страны — те, которые уже достигли «открытого доступа»³⁴ или близки к этому, — признают неформальное лидерство Запада и выступают в качестве его союзников или партнеров. Но влияние Запада и его институтов не ограничивается демократиями. Совместное западное лидерство, основанное на «мягкой силе», de facto распространяется на огромное большинство государств мира, вне зависимости от степени демократизма их политического устройства. И Запад заинтересован в дальнейшем сохранении своей глобальной роли.

³⁴ *См. Воскресенский 2016.*

Представление о всемирной гегемонии Запада уже не отвечает современным реалиям, особенно с учетом усиливающегося влияния «ревизионистских» держав, формирования интеграционных объединений в различных регионах, расширения ареалов терроризма и нелегально-го «расползания» его сетей. Тем не менее скрытая гегемония Запада,

особенно посредством экономических и политических рычагов, имеет широкое распространение. Довольно действенна гегемония, осуществляемая совместно рядом стран. Но еще более приемлемой (и даже легитимной) выглядит гегемония со стороны международных институтов. Весьма показательна в этом плане позиция западнобалканских стран, стремящихся вступить в ЕС и НАТО и тем самым войти в состав Запада хотя бы в качестве периферии. На их фоне Сербия предстает своего рода «белой вороной». Сателлитами Запада являются также Украина и Грузия, которые пока не могут рассчитывать на присоединение к Западу и добровольно принимают его гегемонию (иногда даже откровенную), пытаясь максимально использовать выгоды от нее.

Для слабых государств подчинение чьей-то гегемонии неизбежно, и роль зависимого партнера Запада им может казаться даже вожаденной. Фактическое признание его неформальной гегемонии более развитыми странами обычно диктуется интересами защиты от внешних угроз, которую способны предоставить отдельные западные державы и их коалиции. Преимущественно неформальная гегемония западных государств и институтов распространяется на многие страны Азии, Африки, Латинской Америки, Океании. Таким образом, можно предположить, что для Запада наиболее желанна геополитическая роль, связанная с неформальной трансрегиональной гегемонией его ведущих (суб)центров и международных структур.

В условиях нарастания кризисных процессов в международных отношениях и, тем более, террористических угроз Запад может восприниматься в качестве гаранта мира и порядка. Не только его претензии на мировую гегемонию, но даже применение им военной силы начинают рассматриваться как способствующее защите свободы и безопасности в глобальном или региональном масштабе. В отношении стран «изгоев» важным неоимперским приемом является создание коалиций, в которые центр Западной макроимперии (США) старается вовлечь как можно больше участников, чтобы разделить с ними ответственность (а заодно и расходы). Прямой имперский контроль над определенными территориями устанавливается лишь в исключительных случаях и провозглашается временной мерой. Иными словами, имперское управление Запада сегодня носит сугубо локальный характер.

Заинтересованность западных стран в существовании неформальной макроимперии обусловлена прежде всего потребностью в совместной защите безопасности. Актуальные угрозы исходят в первую очередь от транснационального терроризма. И угрозы эти вполне реальны, о чем свидетельствуют многочисленные террористические акты в западных странах. Однако поддержание Западом своей гегемонии влечет за собой усиление антизападных настроений, что особенно характерно для исламского мира, где формируются очередные локусы терроризма.

Макроимперии не свойственно монолитное единство. Одним из следствий различий в потенциалах и геополитических интересах ее составляющих является необходимость постоянного согласования

позиций на международной арене. В кризисных ситуациях существующие западные структуры оказываются недостаточно эффективными, будучи не в состоянии нейтрализовать конкуренцию между отдельными акторами за влияние и экономические предпочтения. Стоит заметить, что внешние и внутренние вызовы неоднозначно влияют на развитие Западной макроимперии. С одной стороны, поиск ответа на них может привести к дальнейшей консолидации Запада и даже некоторому его геополитическому расширению. С другой стороны, нарастание этих вызовов побуждает западные страны задумываться о новых геополитических конфигурациях.

Таким образом, современная геополитическая роль Запада может быть определена как совместное глобальное лидерство, трансрегиональная гегемония, локальное имперское управление. При этом в ходе исполнения данной роли Запад сталкивается с множеством разнообразных вызовов, и перед ним со всей очевидностью встает проблема сохранения единства.

Библиография

- Бжезинский** З. 1999. *Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы*. — М.
- Воскресенский** А.Д. 2016. Роль Запада в формировании международной системы и политика России // *Сравнительная политика*. Т. 7. № 1.
- Замятин** Д.Н. 2006. *Культура и пространство: Моделирование географических образов*. — М.
- Каспэ** С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М.
- Лукин** А.В. 2016. Новая международная идеократия и Россия // *Сравнительная политика*. Т. 7. № 1.
- Темников** Д. 2003. Понятие мирового лидерства в современном политическом дискурсе // *Международные процессы*. Т. 1. № 2.
- Цымбурский** В.Л. 1999. Геополитика как мировидение и род занятий // *Полис*. № 4.
- Шаклеина** Т.А. 2015. Лидерство и современный мировой порядок // *Международные процессы*. Т. 13. № 4.
- Arrighi** G., Silver B. 1999. *Chaos and Governance in the Modern World System*. — Minneapolis.
- Bacevich** A.J., Mallaby S. 2002. New Rome, New Jerusalem // *Wilson Quarterly*. Vol. 26. № 3.
- Burges** S.W. 2008. Consensual Hegemony: Theorizing Brazilian Foreign Policy after the Cold War // *International Relations*. Vol. 22. № 1.
- Haass** R.N. 2014. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World // *Foreign Affairs*. November/December (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2014-10-20/unraveling>).
- Hurrell** A. 2004. *Hegemony and Regional Governance in the Americas: Global Law Working Paper № 05*. — N.Y.

- Ikenberry G.J.** 1996. The Future of International Leadership // *Political Science Quarterly*. Vol. 111. № 3.
- Ikenberry G.J.** 2001. American Power and the Empire of Capitalist Democracy // *Review of International Studies*. Vol. 27. № 5.
- Keohane R.O.**, Nye J.S. 1989. *Power and Interdependence*. — Glenview.
- Lake D.** 1993. Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential? // *International Studies Quarterly*. Vol. 37. № 4.
- Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale.** 2013 (<http://www.elysee.fr/assets/pdf/Livre-blanc-sur-la-Defense-et-la-Securite-nationale.pdf>).
- Manners I.** 2002. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. № 2.
- Mearsheimer J.J.**, Walt S.M. 2016. The Case for Offshore Balancing // *Foreign Affairs*. July/August (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing>).
- National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom.** 2015 (https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/555607/2015_Strategic_Defence_and_Security_Review.pdf).
- Northouse P.G.** 2016. *Leadership: Theory and Practice*. — Thousand Oaks.
- Nye J.S.** 2015. American Hegemony or American Primacy // *Project Syndicate*. 9.03 (<https://www.project-syndicate.org/commentary/american-hegemony-military-superiority-by-joseph-s--nye-2015-03?barrier=true>).
- Obama B.** 2007. Renewing American Leadership // *Foreign Affairs*. July/August (<http://www.foreignaffairs.com/articles/62636/barack-obama/renewing-american-leadership>).
- Pedersen T.** 2002. Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*. Vol. 28. № 4.
- Thornberry M.**, Krepinevich A.F. 2016. Preserving Primacy: A Defense Strategy for the New Administration // *Foreign Affairs*. September/October (<https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2016-08-03/preserving-primacy>).
- Wendt A.**, Friedheim D. 1995. Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // *International Organization*. Vol. 49. № 4.
- White House.** 2015. *National Security Strategy 2015* (http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf).
- White Paper on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr.** 2016 (<http://www.new-york-un.diplo.de/contentblob/4847754/Daten/6718448/160713weibuchEN.pdf>).
- Wiener J.** 1995. «Hegemonic» Leadership: Naked Emperor or the Worship of False Gods? // *Journal of International Relations*. Vol. 1. № 2.
- Zielonka J.** 2008. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // *International Affairs*. Vol. 84. № 3.

References

- Arrighi G.**, Silver B. 1999. *Chaos and Governance in the Modern World System*. — Minneapolis.
- Bacevich A.J.**, Mallaby S. 2002. New Rome, New Jerusalem // *Wilson Quarterly*. Vol. 26. № 3.
- Burges S.W.** 2008. Consensual Hegemony: Theorizing Brazilian Foreign Policy after the Cold War // *International Relations*. Vol. 22. № 1.
- Brzeziński Z.** 1999. *Velikaya shakhmatnaya doska: Gospodstvo Ameriki i yego geostrategicheskoye imperativy*. — M.
- Haass R.N.** 2014. The Unraveling: How to Respond to a Disordered World // *Foreign Affairs*. November/December (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2014-10-20/unraveling>).
- Hurrell A.** 2004. *Hegemony and Regional Governance in the Americas: Global Law Working Paper № 05*. — N.Y.
- Ikenberry G.J.** 1996. The Future of International Leadership // *Political Science Quarterly*. Vol. 111. № 3.
- Ikenberry G.J.** 2001. American Power and the Empire of Capitalist Democracy // *Review of International Studies*. Vol. 27. № 5.
- Kaspe S.I.** 2007. *Centry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma*. — M.
- Keohane R.O.**, Nye J.S. 1989. *Power and Interdependence*. — Glenview.
- Lake D.** 1993. Leadership, Hegemony, and the International Economy: Naked Emperor or Tattered Monarch with Potential? // *International Studies Quarterly*. Vol. 37. № 4.
- Livre blanc sur la défense et la sécurité nationale.** 2013 (<http://www.elysee.fr/assets/pdf/Livre-blanc-sur-la-Defense-et-la-Securite-nationale.pdf>).
- Lukin A.V.** 2016. Novaya mezhdunarodnaya ideokratiya i Rossiya // *Sravnitel'naya politika*. T. 7. № 1.
- Manners I.** 2002. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 40. № 2.
- Mearsheimer J.J.**, Walt S.M. 2016. The Case for Offshore Balancing // *Foreign Affairs*. July/August (<https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-06-13/case-offshore-balancing>).
- National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom.** 2015 (https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/555607/2015_Strategic_Defence_and_Security_Review.pdf).
- Northouse P.G.** 2016. *Leadership: Theory and Practice*. — Thousand Oaks.
- Nye J.S.** 2015. American Hegemony or American Primacy // *Project Syndicate*. 9.03 (<https://www.project-syndicate.org/commentary/american-hegemony-military-superiority-by-joseph-s--nye-2015-03?barrier=true>).
- Obama B.** 2007. Renewing American Leadership // *Foreign Affairs*. July/August (<http://www.foreignaffairs.com/articles/62636/barack-obama/renewing-american-leadership>).
- Pedersen T.** 2002. Cooperative Hegemony: Power, Ideas and Institutions in Regional Integration // *Review of International Studies*. Vol. 28. № 4.

- Shakleina** T.A. 2015. Liderstvo i sovremennyy mirovoy poryadok // *Mezhdunarodnyye protsessy*. T. 13. № 4.
- Temnikov** D. 2003. Ponyatiye mirovogo liderstva v sovremennom politicheskom diskurse // *Mezhdunarodnyye protsessy*. T. 1. № 2.
- Thornberry** M., Krepinevich A.F. 2016. Preserving Primacy: A Defense Strategy for the New Administration // *Foreign Affairs*. September/October (<https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2016-08-03/preserving-primacy>).
- Tsymbursky** V.L. Geopolitika kak mirovideniye i rod zanyatiy // *Polis*. 1999. № 4.
- Voskresensky** A.D. 2016. Rol' Zapada v formirovanii mezhdunarodnoy sistemy i politika Rossii // *Sravnitel'naya politika*. T. 7. № 1.
- Wendt** A., Friedheim D. 1995. Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // *International Organization*. Vol. 49. № 4.
- White House**. 2015. *National Security Strategy 2015* (http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf).
- White Paper on German Security Policy and the Future of the Bundeswehr**. 2016 (<http://www.new-york-un.diplo.de/contentblob/4847754/Daten/6718448/160713weibuchEN.pdf>).
- Wiener** J. 1995. «Hegemonic» Leadership: Naked Emperor or the Worship of False Gods? // *Journal of International Relations*. Vol. 1. № 2.
- Zamyatin** D.N. 2006. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovaniye geograficheskikh obrazov*. — M.
- Zielonka** J. 2008. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // *International Affairs*. Vol. 84. № 3.